

28 АВГУСТА 1908 г.

ц. 10 к

Въ Москвѣ и провинціи 12 коп.

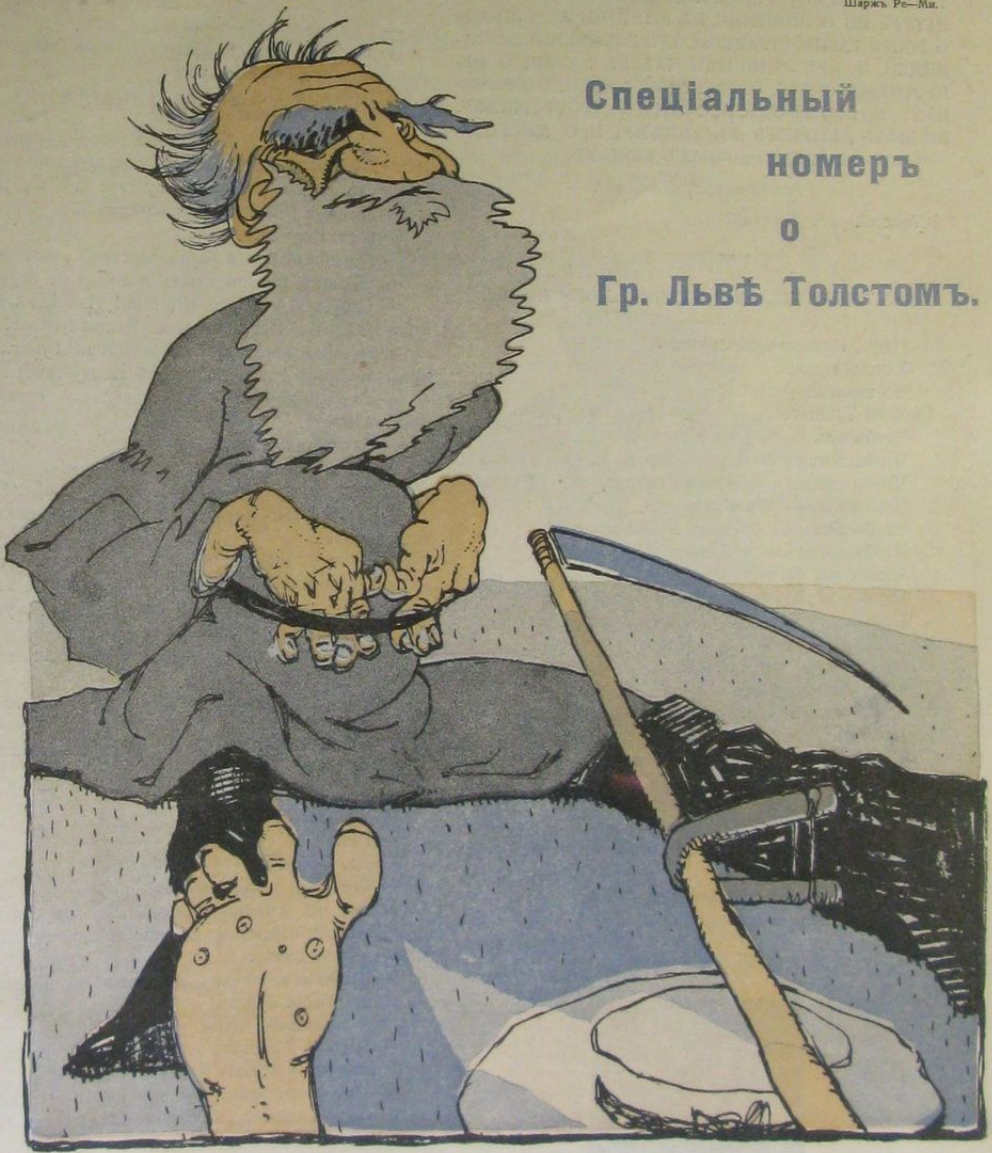
САТИРИКОНЪ

1908 еженедѣльное изданіе № 21

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
До конца года (съ 1 июля) . . . 2 р. 50 к., на 3 мѣсяца . . . 1 р. 25 к.
Контора и Редакція САТИРИКОНА, Спб. Невскій, № 9. Телефонъ № 241-29.

Шаржъ Рс-Ми.

Спеціальный
номеръ
о
Гр. Львѣ Толстомъ.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОИ.

— Знаменитый писатель земли русской, великий старикъ, титанъ человѣческой мысли, авторъ гениальныхъ и забываемыхъ мировыхъ произведеній, мощный проповѣдникъ мира, и незлобнъ во вселенной.

Библ. № 100

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ, МЫСЛИТЕЛЬ, ПЕДАГОГЪ, ПРОПОВѢДНИКЪ, О МѢСТѢ, КОТОРОЕ ОНЪ ЗАНИМАЕТЪ ВЪ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ И КОТОРОЕ ЗАНИМАЕТЪ МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ, О РОСТѢ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ ЗАГРЯНИЦЕЙ И ПРЕСЛѢДОВАНІИ ПИХЪ ВЪ РОССІИ, О НЕПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ, О СМЕРТНОЙ КАЗНИ, О ПРИЧИНАХЪ, ПО КОИМЪ ОНЪ, НЕСМОТРИ НА СВОЮ ПРОСЬБУ, НЕ БЫЛЪ ЗАТОНЕНЪ ВЪ ТЮРЬМУ, И О МНОГИХЪ ТОМУ ПОДОБНЫХЪ ВЕЩАХЪ.

(Фельетонъ Н. Шебуева).

Толстой—это Толстой.

Н. Шебуевъ.

НѢКОТОРЫЯ ЖЕЛАНИЯ КУЗИНЫ МОЕЙ НЮРЫ.

Нюра, пылкость обнаружа,
Хочеть мужа,
Но какого!—
Льва Толстого!
Чтобъ онъ былъ уменъ и славенъ,
Чтобъ богамъ былъ славой равенъ,
Чтобъ громилъ онъ казни гнѣвно,
Чтобъ пахаль онъ ежедневно,
Чтобъ былъ съ блудомъ незнакомъ,
Чтобъ ходилъ онъ босикомъ,
Чтобъ онъ былъ мірамъ кумиръ,
Написавъ „Войну и миръ“,
Принималъ корреспондентовъ,
Чтобъ ругаль онъ декадентовъ,
Чтобы блузу онъ носилъ,
Рыбу съ Рѣпинимъ ловилъ,
Чтобъ въ церквахъ онъ проклинался,
Чтобы злу непротивлялся,
Чтобъ онъ сдѣлалъ другомъ дома
Сергѣенку съ Теноромъ...
Но совсѣмъ не хочеть Нюра
(И у ней губа не дура),
Чтобъ Толстой былъ слабъ и сѣдъ,
И восьмидесяти лѣтъ,
И, чтобъ, нынѣ и донинѣ,
Онъ женатъ былъ на графинѣ.

Потемкинъ.

СЫЧЕВСКИЙ ПОШЕХОНЕЦЪ.

Газетъ я не читаю. Я ничего не читаю! Законъ о печати? Но вѣдь печатъ можетъ и подождать!
Изъ открытій Н. А. Хомякова.

- Гдѣ вы тамъ?—спросилъ я, входя.
Изъ-за кучи разноцвѣтныхъ банокъ выглянули его коротко подстриженные усы.
— Здравствуйте. Что это вы—химическими опытами занимаетесь?
— Нѣтъ, банки съ вареньемъ перевязываю наново. Изъ Сычевки привезъ. Боюсь—засахарится.
Около него я увидѣлъ кипу газетъ.
— Читаете все-таки,—подмигнулъ я.
Онъ расхохотался.
— Шутникъ! Это я банки газетами завязываю.
— Значить, пользы газетъ все-таки не отрицаете.
— Вообще... нѣтъ, не отрицаю! Изъ нихъ пѣтуховъ можно дѣлать. Презабавныхъ. Честное слово! Потомъ, скажемъ, обои клеить... Безъ газетной бумаги они никуда. Сеledка тоже любить въ газету заворачиваться.
— Гм... Какой изъ существующихъ органовъ вы предпочитаете?
— А что такое органъ?
— Въ данномъ случаѣ, газета.
— Ага! Такъ, такъ. „Новое Время“ люблю!
— Да что вы! Неужели эта человѣконенавистническая травля...
— Бумагу нововременскую, грѣшный человѣкъ, люблю. Много и хорошая. А эти „господа изъ оппозиціи“, Богъ съ ними! Всѣ эти „Рѣчи“, „Руси“... Въ руки взять нельзя. Разлѣзается.
Онъ помолчалъ и потомъ, какъ бы извиняясь, спросилъ:
— Вы не обидитесь, если я у васъ что-то спрошу?
— Пожалуйста!
— Вы, извините меня... Вы не въ газетѣ ли пишете?
— Да.
— Большая?
— Что большая?
— Газета.
— Да, большая.
— Все-таки, какъ большая?
— Ну, мы имѣемъ специальныхъ корреспондентовъ въ большихъ городахъ, хорошо поставленный информационный отдѣлъ...
— Вы меня не поняли. Я спрашиваю, по величинѣ—большая? Такая будетъ?
Онъ разставилъ руки.
— Будеть!—сказалъ я, улыбаясь и ласково трепля его по щекѣ.—А вамъ это для чего?
— Для змѣя. Змѣи хороше изъ газетъ можно дѣлать. Такъ я выпишу, если большая. А какъ она, тово... прочная?
— Не особенно! Штрафуютъ ее часто. Всегда есть рискъ закрытія.
— Фу ты, какой безтолковый,—разсердился онъ.—Я его о бумагахъ спрашиваю, а онъ... чортъ знаетъ о чемъ. Вы зачѣмъ пришли ко мнѣ?

Библиотека

Книгута Девина

— Насчет юбилея Толстого побеседовать.
— А чего о нем беседовать! Вѣдь теперь мини-
стромъ народного просвѣщенія Шварцъ.

— Ну, такъ что же?

— А вы спохватились когда! Толстой уже ушелъ
изъ министерства давно.

— Виновать... Но я хотѣлъ поговорить съ вами о
другомъ Толстомъ!

— Онъ служить гдѣ?

— Нѣтъ—писатель, Левъ Толстой.

Онъ задумался. Потомъ радостно воскликнулъ:

— Те-те-те! Это не тотъ ли, который когда-то „Войну
и миръ“ написалъ? Еще тамъ сжигаютъ Москву, а по-
томъ пьяный офицеръ на коня, спустивъ ноги на улицу,
конякъ пьетъ. Я, помню, много смѣялся, когда читалъ.

— Да. Это тотъ самый.

— Онъ что-нибудь еще написалъ? Я люблю прочесть
что-нибудь забавное.

— Да, его много есть вещей. „Анна Каренина“,
„Власть тьмы“, „Воскресенье“. Последнюю вещь въ
газетахъ прочли—„Не могу молчать?“

— Нѣтъ. Не могу читать. А онъ чего же не можетъ
молчать?

— Нехорошо ему.

— Боленъ, что ли?

— Нѣтъ, противъ казни онъ.

— Неужели его казнить хотятъ?

— Не его, а другихъ.

— Такъ чего же ему беспокоиться?
Вонъ меня не казнятъ, я и молчу.

— А онъ не можетъ.

— Чудакъ! И ему же и юбилей
 устраируютъ?

— Да.

— Выдумываетъ народъ, что по-
чуднѣй. Отецъ у меня былъ тоже. Ста-
рикъ. Теперь померъ. Такъ онъ тоже...
Гм!.. Да чего мнѣ васъ стѣсняться, впро-
чемъ? Я не стыжусь его поведенія и
скажу вамъ откровенно,—тоже писалъ!
Иногда, вотъ, спросить кто-нибудь не-
ожиданно, такъ сконфузиться, правда.
„Покойный писатель Хомяковъ—вамъ
родственникъ?“ „Да“, — скажешь, —
„дальний!“ Вѣдь они всѣ препустѣйшій
и преничтожнѣйшій народъ—писатели.

Онъ махнулъ рукой.

— Что жъ ему въ юбилей-то, обѣдъ,
поди, устраиваютъ по подпискѣ? Ра-
кетъ тамъ, бураки, фонарики, а?

Я всталъ и, прощаясь, сказалъ:

— Этого, можетъ, и не будетъ, а
вотъ вы бы могли почтить старика.
Взять бы вамъ и внести въ началъ сес-
сиі проэктъ законовъ о печати, а?

Онъ энергично замоталъ головой.

— Тоже, выдумаетъ! У насъ на
очереди лежать болѣе важные зако-
нопроекты!

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, хотя бы... „о ковкѣ
за счетъ казны лошадей городского
пожарнаго обоза въ заштатномъ го-

родѣ Змѣевъ!!“ А Толстой можетъ пока и помолчать,
а печать можетъ пока и подождать. Вѣдь подо-
ждать?

— Подождать, октябристъ вы этакій,—не удержался
я, чтобы не выругать его, и вышелъ, хлопнувъ
дверью.

Аркадій Аверченко.

ТОЛСТОВЕЦЪ.

— Купилъ книжку Льва Толстого „О вредѣ пьян-
ства“ и сегодня, какъ видишь—трезвый!..

— Повліяло?

— Нѣтъ. Но тѣ деньги, которые приготовлены были
на полбутылки, я имѣлъ глупость истратить на книжку
и теперь приходится быть трезвымъ!

ВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОМЪ УЧАСТКѢ.

— Разрѣшите лекцію прочесть.

— О чемъ?

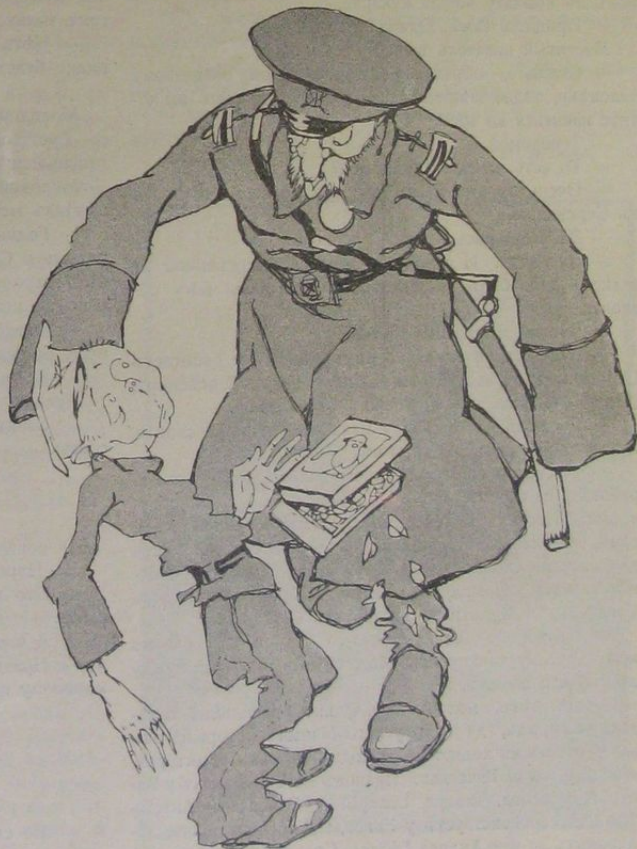
— Отношеніе Льва Толстого къ „половому вопросу“.

— Нельзя. Пропаганда профессиональнаго движенія не допускается!

— Помните! При чемъ тутъ профессиональное движеніе!

— Ну, конечно. Сидитъ себѣ паловые тихо, смирно, служить го-
стямъ, никого не трогаютъ... А тутъ вы начнете ихъ вопросами раз-
ными смущать—не дѣло это, господинъ!

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПРАЗДНОВАНИЕ ЮБИЛЕЯ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

— Это что! Празднованіе юбилей? Вонъ я тебѣ!

«Чѣмъ люди живѣт».

«Дѣтство и отрочество».

ПЛАНЕТНАЯ СИСТЕМА.

Сергѣенко закончилъ большую статью „Какъ шьеть и тачаетъ сапоги Левъ Толстой“... Онъ зѣвнулъ, потянулся и только что хотѣлъ начать новую оригинальную статью „Какъ чихаетъ и сморкается Левъ Толстой“, какъ въ комнату вошла кухарка.

— Пришелъ тамъ. Одинъ. Наниматься.

Маститый писатель вышелъ въ кухню.

— Скажите,—обратился онъ къ молодому развязному челоѣку, поджидавшему его,—въ качествѣ чего вы хотите наняться ко мнѣ?

— Тенеромой.

— То есть, какъ... Тенеромой?

— Очень просто. Вѣдь вы при Толстомъ состоите въ Сергѣенкахъ?

— Да. Кормлюсь.

— Ну, вотъ. И я хочу кормиться. Сергѣенкой не всякому дано быть, а Тенеромой при васъ могу состоять.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Буду статьи писать: „Какъ живеть и работаетъ Сергѣенко“, „Нравственныя догмы въ ученіи Сергѣенко“, „Проблема пола въ сочиненіяхъ Сергѣенко“...

— Да вѣдь я чтожъ... у меня и сочиненій своихъ нѣтъ, кромѣ какъ о Толстомъ.

— Не скромничайте, не скромничайте! Довольно поработали на своемъ вѣку... Пора уже и Тенеромой обзавестись. Настоящій Тенеромо то къ вамъ не поидеть—самъ, вѣроятно, вкусивши всероссійской славы, ищетъ для себя по сходной цѣнѣ Сергѣенку, а я могу соотвѣтствовать. Помилуйте, лестно: „Какъ и что ѣсть Сергѣенко“, „Куда и зачѣмъ ѣдетъ Сергѣенко!“

— Право, не знаю... Дѣло-то такое... Вы бы къ кому другому толкнулись. Можетъ, въ Тенеромѣ нужду другой кто имѣетъ, а?

— Да нѣтъ, мелкота все. Одинъ правильный писатель—Купринъ, да и то у него Манычъ который годъ въ Чертковыхъ ходитъ. А молодые—у тѣхъ одинъ развратъ: сегодня Вячеславъ Ивановъ въ Тенеромахъ у Валеріи Брюсова, завтра Валерій у Вячеслава, Антонъ Крайній сергѣенствуетъ у Зинаиды Гиппіусъ, а она тенеромитъ во всю Андрея Бѣлого. Солидности—никакой... И только у настоящаго челоѣка, который можетъ Сергѣенко по призванію и Тенеромо по убѣжденію, хлѣбъ отбиваютъ.

— Ну, ладно. Иди ко мнѣ въ Тенеромы. Харчъ свой, а одежда съ моего плеча. Пиши по совѣсти, какъ и что...

— Ваша милость! У меня благопріятель одинъ есть—честный парень, непьющій. Вы бы его въ Чертковы себѣ зафрахтовали. Черткова дешевле можно. Извѣстно, его должность какаѣ—не пиши, не читай, будь другомъ только.

— Нѣтъ съ Чертковымъ пока попрдержусь. Тамъ видно будетъ. Пока прощай.

Молодой челоѣкъ вышелъ и у воротъ столкнулся съ Брешкой. Брешко держалъ кухарку за фартукъ и спрашивалъ, какъ живеть и работаетъ Сергѣенко.

Молодой челоѣкъ ехидно улыбнулся и потомъ пропелъ мечтательно:

— Годика два-три въ Тенеромахъ проработаю, а потомъ и Сергѣенкой можно сдѣлаться. Того же Брешку въ Тенеромы возьму, Чертковыхъ пару принайму по дешелу и поставлю все дѣло en grand.

И развеселившись совѣмъ, молодой челоѣкъ хлопнулъ Брешку-Брешковскаго по плечу:

— Брешко! Пойдешь ко мнѣ въ Тенеромы?

Брешко потрясъ отрицательно головой.

— Занять. Третій годъ у Луриха въ Сергѣенкахъ состою.

Ave.

МИРОВОЕ СОБЫТІЕ.

Въ Царевококшайскѣ.

— Это вѣрно, что юбилей Толстого мировое событіе.

— А что?

— Праздновали мы, перепились, подрались и къ мировому попали. Истинно, мировое событіе!

ЛЮДИ РАЗНАГО ТОЛКА.

— Не сходимся мы съ Толстымъ во взглядахъ, да и только... Онъ все хочетъ въ тюрьму попасть—не сажаютъ, а я отъ тюрьмы радъ бы отдѣлаться—не выпускаютъ!

«Власть тьмы».

«Воскресенбе».

«Не могу молчать»
(въ персидскомъ стилѣ).

СТРАШНАЯ НОЧЬ ДЕКАДЕНТА.

(Сонъ подь 28-ое августа).

И несмотря на то, что очередной разказъ былъ отосланъ въ „Вѣсы“ и въ карманѣ лежалъ авансъ изъ „Скорпіона“ и приглашеніе изъ „Грифа“ — на душѣ въ этотъ день было какъ-то пусто, глухо и тоскливо.

Ночью мучили кошмары.

Вспоминался герой послѣдней повѣсти и заключительныя строки:

„И когда, казалось, узывчивое тѣло уже заплѣнилось отвѣтными пѣннорадостными всплесками, словно красные демоны, подкатились мохнатая, разорванныя мысли. Вечерѣло. И лицо у него стало, какъ хрупкій, стеклянный плевочъ Сергѣева-Ценскаго. За окномъ цѣлый кубочъ мятелей, съ хохотомъ катается по сѣрымъ пустыннымъ улицамъ. Змѣится. Мохнатится. Кровавится тускло-багровая, влазняицею тучъ задернутая, луна. Луна—Афродита Луна—Айса. Луна—Новая чара моя. И старикъ какой-то чудится мнѣ“...

День былъ какой-то странный. И вечеръ пришелъ странный, грустный, полный жуткихъ предчувствій.

А ночью, казалось, кто-то новый, невидимый склонился къ его изголовью. Онъ всталъ и записаль: „Мнѣ не спится. Стоитъ окно, какъ хрупкій, стеклянный плевочъ Сергѣева-Ценскаго. За окномъ цѣлый кубочъ мятелей. Словно кто-то огромный, хитрый, косматый, рыдающій, съ хохотомъ катается по сѣрымъ пустыннымъ улицамъ. Змѣится. Мохнатится. Кровавится тускло-багровая, влазняицею тучъ задернутая, луна. Луна—Афродита Луна—Айса. Луна—Новая чара моя. И старикъ какой-то чудится мнѣ“...

Онъ вздрогнулъ, положилъ перо и боязливо всмотрѣлся въ темноту.

Гдѣ-то о стекло жалобно билась муха.

„Странно. Перестранс. Почему мнѣ сегодня такъ не хорошо? Словно „Оры“ бросили въ кошницу подь столь мои творимыя легенды? А? Не остатки ли это бывлой совѣсти? И совѣсть? Что это такое? Змій палачій? Или Леда ласковая съ одними застѣжками. О, Санинъ! Помоги мнѣ. Вотъ, я отослалъ свой разказъ въ „Скорпіоны“, разказъ, какъ тихая улица въ Лебедина, какъ задумчивый свистокъ паровоза на станціи Москва-Сортировочная. Такой разказъ. И все-таки мнѣ скверно. Кто-то старый, съ сѣдой головой стоитъ и смотреть на меня изъ угла. Кто ты? И почему такъ тоскующе смотришь? А?“

Гдѣ-то далеко хрупкимъ звономъ послышались три удара.

— Уже три...

И онъ уснулъ.

Уснулъ, положивъ подь подушку авансъ изъ „Грифа“, письмо изъ „Скорпіона“ и черновикъ новой драмы „Бѣсовскія дѣйствія надь нѣкоимъ мужемъ“.

Ему снился сѣдой, величавый старикъ съ копною серебряныхъ, мягкихъ волосъ и съ суровыми, нависшими бровями.

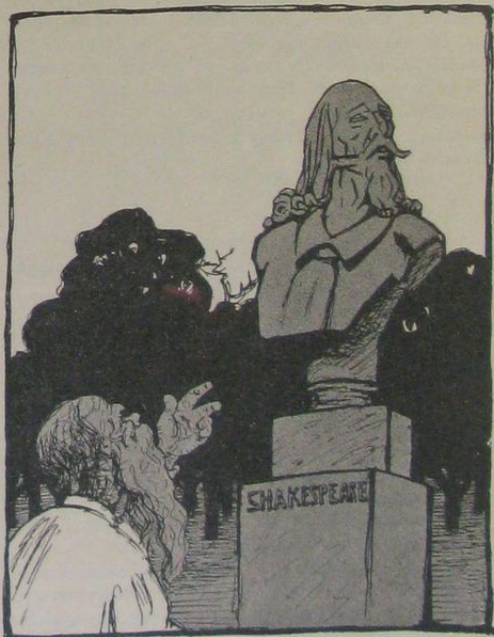
Онъ стоялъ грустный, печальный надь его, кроватью, и вздыхая, качаль головой.

— Что вы сдѣлали за это время съ русскимъ языкомъ? Что вы съ нимъ сдѣлали?.. Ироды.

И декадентъ, обливаясь холоднымъ потомъ, въ ужасѣ проснулся.

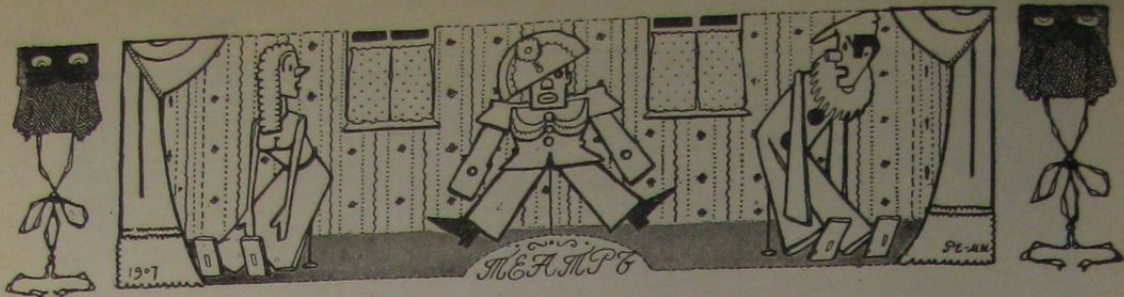
Сергѣй Горный.

Рис. А. Юнгера.

КОЛЛЕГИИ.

— Что, дуешься еще старикъ? Брось! Ну, былъ грѣхъ, въругалъ тебя... Такъ за то и мнѣ же ежедневно попадаетъ, можно сказать, по первое число!

ВЛАСТЬ ТЬМЫ.

(по Л. Толстому).

Актъ I.

Акимъ-простота (сидитъ, пишетъ).—... И такъ какъ лишене жизни челоуѣка есть грѣхъ, то...

Анютка (*вбѣгая*).—Дядя Акимъ! Въ Варшавѣ—8, въ Лодзи—4, въ Одессѣ—2!. Одново дыхнуть! Сама читала (*убиастъ*).

Акимъ-простота.—Что ты, дѣвонька? Отъ холеры, что ли? О-охъ, грѣхи, грѣхи! Написать статеку, да напечатать, можетъ быть, оно и тае... поможетъ (*пишетъ и отсылаетъ въ редакцію*).

Анютка (*вбѣгая*).—Дядя Акимъ! Ты вотъ молчать не можешь, а редакціи попало! Одново дыхнуть, на 2 тысячи!

Акимъ-простота.—И взбрехать же ей такое... Нешто это, тае, по Божьи? Вѣдь писалъ то я, за что же ихъ, тае?

Анютка.—А еще одного челоуѣка посадили за тебя въ Грязеболотинскъ! Книжки твои распространялъ. Обыскъ былъ у него, одново дыхнуть.

Акимъ-простота.—Такъ они бы лучше меня, тае? (*Сидитъ въ полномъ недуманіи*).

Актъ II.

Анютка (*вбѣгая*).—Дядя Акимъ, — экзамены опять ввели! Одново дыхвуть!

Акимъ-простота.—Ну, какъ же это тае, возможно! Не можетъ этого быть. Нешто это по Божьему—ребятъ мучить? Экзамены, тае... отъѣнены.

Анютка.—Ввели, дяленька, лопни мои глаза! Сама циркуляръ видѣла.

Актъ III.

Анютка-печать.—Ой, страшно мнѣ, дяленька!

Митричь.—Чего пужаешься? Вотъ возьметъ дѣдъ-дѣтосѣка розги, да какъ оштрафуетъ тебя розогъ на тысячу. Нишкни!!

Анютка.—Къ розгамъ я, дяленька, привыкла. А только страшно мнѣ сейчасъ!

Митричь.—Да чего же, дурашка?

Анютка.—Повели его сейчасъ, дяленька! Одново дыхнуть—сама видѣла. Задами повели.

Митричь.—Кого повели?

Анютка.—Робеночка. Гимназиста. Экзаменовать повели! Ой, страшно мнѣ, дяленька.

Митричь (*рычитъ*).—Да нешто не отъѣнили экзаменовъ, въ ротъ имъ ситнаго съ горохомъ?!

Анютка.—Циркуляръ пустили, одново дыхнуть (*прислушивается*), экзаменуютъ... Дяленька, экзаменуютъ робеночка! Разочекъ крикнулъ, а теперь не слышать. Доской классной придавили его.

Митричь.—Ишь, дѣвченка, перетряслася какъ! Душегубы. Да, можетъ, не экзаменуютъ его?

Анютка.—Экзаменуютъ, дяленька, одново дыхнуть. Разочекъ пискнулъ, а теперь не слышать.

Митричь.—Нишкни! Не насидѣлась еще, въ ротъ те ситнаго съ горохомъ!

Анютка (*плача*).—Копаютъ, дяленька, копаютъ...

Митричь.—Что копаютъ то, несуразная?

Анютка.—Ямку для робеночка, гимназистика... Провалить его хотятъ!

Актъ IV.

Молодой педагогъ безъ фуллера (*выходя изъ погреба, хватается за голову*).—Что они со мной сдѣлали? Что они со мной сдѣлали?!

Старый педагогъ.—Ничего, обтерпится! Спервоначалу оно, дѣйствительно, жутко...

Молодой педагогъ.—Дошло до сердца мнѣ! Какъ сталь я его спрашивать по математикѣ, какъ записать, сердешный... До интеграловъ дошли,—только косточки у него захрустѣли... Таково страшно: кр-кр... не челоуѣкъ я сталь, а челоуѣкоубивецъ!!

Старый педагогъ.—Охо-хо! Пойти ямку засыпать, въ которую робеночекъ провалился!

Молодой педагогъ.—Голубчикъ, не зарывайте его! Можетъ живой онъ.

Старый педагогъ.—Да гдѣ же ему живому быть, коли и косточки всѣ раздребезжены!

Молодой педагогъ.—Ой, жутко (*прислушивается*)! Пищитъ онъ... Во... во!

Старый педагогъ.—Да гдѣ же пищать гимназисту, если вы ему биномомъ Ньютона весь черепъ въ лепешку превратили! Мертвенкій онъ.

Актъ V.

Никита Пышковичъ Думбадзѣвъ (*пошатываясь отъ опьяненія властью*).—Кто это пришелъ? Кто я такой? Ась?

Провинціалъ (*робко молчитъ*).

Никита (*грозо*).—Кто я такой?

Провинціалъ (*дрожа*).—Будетъ ужъ вамъ, вашество. Не патъшились еще?

Никита (*все грознѣе*).—Кто я такой есть?

Провинціалъ.—Ну, начальникъ нашъ...

Никита.—Да не ну! Ты мнѣ не нукай. Какъ меня звать то!

Провинціалъ.—Ахъ ты, Господи! Никитой величаютъ васъ.

Никита.—Молодецъ! А по батюшкѣ?

Провинціалъ.—Пѣшковичъ.

Никита.—То-то. Нѣтъ, ты скажи фамилія какъ?

Провинціалъ (*все робнѣе*).—Думбадзѣвъ.

Никита.—Нѣтъ, ты скажи какой ногой Никита въ губернію вступаеть.

Провинціалъ.—Ну, правой!

Никита.—Да не „ну, правой“, а отвѣчай, — правой ногой, —вашество!.

(Такъ продолжается до безконечности. Провинціалъ хирѣеть, занавѣсь, зѣвая, падаеть).

И ОНИ ГОТОВИЛИСЬ...

— ...Перво дѣло сѣлаовать рѣчь сказать...
 — А ну-ка, вали!
 — Братцы, день-то сѣдня какой?! А?! Крамольнаго граха любилец справляемъ... То-ишь, одно слово, какъ намъ отъ Дубровина приказъ вышетъ, чтобы омраченіе отъ насъ любилею вышло, такъ, значить, чтобы любилецствовать не-повзано было, чтобы, одно слово, чтобы... чтобы...
 — Чтобы, да чтобы... по-сути глорит!
 — Стой, стой, робя, напутали!
 — Чего напутали? Ишь, выискался!
 — Нашего графа не обижай!
 — Луни его! Ешь съ ними за одно! Ишь, толстовый ешь.
 — Ай-ай, уби-иай!
 — Годи кричать, усѣшь...
 — Ослобони душу мою!. Ироды, чего напали всѣ на одного! Не смѣя забижать нашего графа Коновнищана...
 — Братцы, да и впрямь ошиба: ешь наш!
 — Всю морду въ кровь распихали!..
 — Ну, ничего, ошиблись въѣв.
 — Грахъ, да не тот!
 — И чего его въ графьяхъ держуть-то?!
 — Только добрыхъ людей подъ резины здря подволят!
 — Птицу надо...
 — Какую птицу?
 — Да не птицу, а пѣтицу, прошеніе, значить, чтобы уважали нашу просьбу... да о чемъ просить-то будемъ?
 — Во, во, пѣтицу эту, штошь званія его этого лишили.
 — Правильно!
 — Не то зазорно: Коновнищанъ грахъ, Бобринскій грахъ, Дорерьъ грахъ, да варугъ и Толстой грахъ.
 — Правильно! Золотая слова!
 — Вали телеграмму!
 — Погоди, робя, телеграммы безъ распоряженія посылать не можно намъ.
 — Конечно, нельзя; супротивъ параграфа!
 — Да ты скажи: чѣмъ онъ, бѣдовая голова, провинился?
 — Чѣ-ѣмъ? Не знаю, родной, мы не тутошние... Приказано, чтобы омраченіе вышло...
 — Омраченіе!
 — Ну да; скандалъ, значить.
 — Провинился онъ, что убойны ѣсть не велить, а безъ убойны, самъ знаешь, тяжело: въ будни пустыми шами вдоволь нахлебашся, такъ охота хоть въ праздникъ мясца отвѣдать.
 — А ешь пренятсвуетъ?.. Ишь ты... А еще что?
 — То-то и есть!.. Мышь, къ примѣру, не то што жиды, убивать не велить... А ужъ жиды, по-своиному, и пальцемъ не могли тронуть... Пишетъ ень разны прокламаціи, а самъ, для видимости, быато въ Бога вѣруеть.
 — Анзвемой его проклиаи: потому супротивъ поповъ онъ.
 — Чудно! воть другихъ проклиаи анзвемой за то, что они не супротивъ, а за попа... кронштатскаго-то.
 — Темное дѣло!
 — Войсковъ, говорить, не нужно... а какъ же можно безъ войсковъ?!..
 — Известно: одно мелево!
 — ...Къ примѣру, Портъ-Артуръ сдавать и то Стессель-генералъ нуженъ былъ, а безъ войсковъ генералы не бывають...
 — И казаки тоже обязательно нужны...
 — То-то и оно!
 — Ти-ше! Нишкин, робя, предлагаю резолюцію, виесниую и сочиненную господиномъ председателемъ нашего поддотѣла: „Графа Толстого лишить титуловъ, чиновъ, орденовъ и похвѣстій, сочиненія съечь, выстрѣливъ пепломъ сныхъ изъ пушки, присѣшниковъ и пособниковъ перевѣшать, а самого сослать на Чортовъ островъ для покаянія!!
 — Ловко зажарили!
 — Н... да! Распорядились.
 — Уррра!!

И. Гуревичъ.

ДВѢ ПЬЕСЫ.

— Слышали—плоды просвѣщенія: курсистки учились, учились, а теперь ихъ за боргъ выбрасывают!
 — Какіе же это „Плоды просвѣщенія“,—это другая Толстовская пьеса—„Власть тьмы“!

ПРИЗЫВЪ КЪ РУССКОМУ НАРОДУ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ГРАФИНИ ТОЛСТОЙ.

Мы прочли худую вѣсть:
 Всѣхъ Толстыхъ есть тридцать шесть,
 Такъ что трудно даже счесть,
 И, хотя имѣнье есть,
 Все же нечего имъ ѣсть!
 Левъ Толстой Россіи честь
 (Эго правда, а не лесть—
 На Руси славнѣе—нѣсть),
 И вѣнковъ лавровыхъ сплестъ
 Льву бы нужно и поднести,
 Чтось могли всѣ тридцать шесть
 За обѣдъ всѣ вмѣстѣ съѣсть
 И лавровыхъ щець поѣсть!
 Всѣхъ вѣдь, всѣхъ вѣдь тридцать шесть—
 Всѣ хотять и пить, и ѣсть!

Потемкинъ.

ПНТЕВЪЮЕРЪ.

— Что вы можете сказать, коллега, о послѣднихъ стихахъ Ивана Рукавишниковъ? Загнѣвъ, ваше мнѣніе, почтеннѣйшій, о тактикѣ послѣднихъ дней октябриской фракціи въ Думѣ?

ПРИЕМЪ ЮБИЛЕЙНОЙ ДЕПУТАЦИИ.

Рис. А. Юнгера.

— Въвѣ это не я. И юбилей не мой! Она все. Она и «молчать не можетъ», она и депутати принимаетъ!..

ТОЛСТОЙ ПАНЕГЬ.

НЕОЦЕНИМО
ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ!
Вино „Сенъ-Рафаэль“

сохраняет у организма способность противостоять болезням и выйти из борьбы с ними победителем, темпеплоф выздоравливает 4 потому успевает, когда холера усиливается. Вино „Сенъ-Рафаэль“ укрепляет, восстанавливает состояние здоровья нормальное состояние желудка и является лучшим средством при оной.

Вино „Сенъ-Рафаэль“ продается в аптеках, аптекарских магазинах и виноторговлях.

СИФИЛИСОМЪ

Пр. Ф. МРАКОВЪ

Въсиль объ этомъ не даятъ вамъ ни минуты покою, вы применили массу всевозможныхъ медикаментовъ, истратили много денегъ, но болѣзнь прогрессирующе развивается и вы до сихъ поръ не выздѣлись, вы уже рѣшаете, что эта болѣзнь не излѣчима. Но вы глубоко ошибаетесь: есть отличный препаратъ, получившій громаднѣе распространѣнне во всемъ мѣрѣ и давшій блестящие результаты при лечении сифилиса: сѣзь приготовленъ по рецепту профессора Фридриха Мракера и называеъ „Дюитинъ“. Сѣсьимъ дорожке своимъ изобретемъ, вы можете окончательно избавиться отъ сифилиса и его послѣдствій, при помощи „Дюитина“. Проф. Фридриха Мракера. Курсъ леченія заключаетея изъ 10-ти коробокъ „Дюитина“, стоющій 10 рублей, при застарѣлыхъ формахъ высылаются выскъ, платитемъ не менѣе двухъ коробокъ. Брошюра выскъ, за 2 копейки марк.

Единственный складъ для Россіи:
 С. Петербургъ, Экономическое Аптекарское Дѣло,
 Литейный, 30—100.

Болѣзненные
ДѢТИ.

Гематогенъ Д-ра Гоммеля

Д-ръ Н. Августовскій, С.-Петербургъ: „Употребляя въ леченіи ислѣдующую дѣтъ Гематогенъ Д-ра Гоммеля для подпитія питанія и укрѣпленія слабыхъ дѣтей, и нѣглаго убѣдился въ его значеніи и прекрасныхъ качествахъ въ смыслѣ усвоенности и переносимости даже ослабленными желудками. Мои племянники 5-ти и 7-ми лѣтъ съъ маломоровыхъ, блѣднѣли, ребѣтъ стави кривыми и краснощекими въ теченіи одного года.“

Блестяще одобрены болѣе 5000 профессорами и врачами западными и русскими, имѣются во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. Требуется настоятельно Гематогенъ Д-ра Гоммеля и отклонятея поддѣлки.

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ
 „Маріебальская“ Революционная Пилула

ОЖИРѢНІЯ

и отяжеленное слабительное средство.

Настоящая упакунка въ поробѣтъхъ краснаго цѣтъ съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

О перемѣнѣ адреса подписчиковъ журнала „САТИРИКОНА“.

При перемѣнѣ адреса необходимо прислать прежній бандерольный адресъ, безъ чего перемѣна очень затруднительна. За перемѣну адреса взимается: иногородняго на иногородній-же и городского на городской—35 к. Городского на иногородній и иногородняго на городской—1 рубль.

Открыта полугодовая подписка
 (съ 1 Июля по 31 Декабря)
 НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ (съ приложеніемъ ежемѣсячнаго)

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“ 4 р.

двѣнадцатый годъ изданія.
 Спб. Вознесенскій проспектъ, № 4. Телѣф. 16—69.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ.

„Обнаженная“ п. въ 4 д. А. Бутайна, пер. М. А. Полякова, п. 1 р.
 КРИВОЕ ЗЕРКАЛО. Шаржи и пародія А. А. Измайлова, п. 1 р.
 АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ (переводы). Любовь. Продажець Соловья. Трагедія о трехъ добродѣтеляхъ, п. 50 коп.
 ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ В. В. Протопопова (съ иллюстраціями). Пятое изд., п. 30 коп.
 А. И. КУРИНЪ. На покой. Сцены, п. 60 коп.
 НА ПЕРЕЛОМѢ. Литературныя размѣшленія А. Измайлова—

Вчеславъ Иваноыч.—Валерій Брюсовъ.—Зинаида Гиппиусъ.—А. Камескій.—Андрей Бѣлый.—Ал. Блокъ.—М. Кузминъ. Ц. 50 к.
 РЕНЕСАНСЪ. Ком. въ 3-хъ д. Пер. въ стихахъ И. А. Гриневской. Рисунки художника Сѣвина, п. 1 р.
 НОМО NOVUS. Пьеса събы конституціи, п. 1 р.
 ПРОБУЖДЕНІЕ ВЕСНЫ. Ф. Васильева. Пер. Ел. Кугель. Третье изд., п. 50 к.
 РОЗЫ. Тетралогия Германа Зутермана, п. 50 к.
 АКТИСА. Пьесы Г. Маня, п. 25 к.
 ВЕЙГАНДЪ. I. Шафа. Пер. А. Ремизова, п. 40 к.

Всѣ репертуарн. новинки. Песы для любительск. спектаклей.
 На складѣ—изданія всѣхъ театр. библиотекъ.

ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ СТРАДАЕТЕ
ТРИП ПЕРОМЪ

въ острой хронической формѣ, то въ переступаю по отношенію къ Ваму злополучно, въ особенности теперь, когда есть ВАШИ ЛЫ ГОНОРЫЯ приготовленная по рецепту доктора МАРУНИ, быстро и окончательно излѣчивающія въ короткій срокъ самыя запущенныя формы трипера. Это не есть средство, которое нужно глотать, и изъ за котораго болѣе постоянно разстраиваетъ свой организмъ.

Этотъ препаратъ вымоченъ въ видѣ тончайшихъ сѣфиобразныхъ пласточекъ, принимаетеся какъ каруное и дѣствуетъ только на микробы говоренъ, которыя быстро и окончательно уничтожаются.

И такъ—если Вы хотѣте быть совершенно здоровымъ и избавиться отъ этой болѣзни, то приидите на себѣ ВАЩИЛЫ ГОНОРЫИ Д-ра МАРУНИ.

Для подлага излѣченія требуется 2 коробки стоимостью 5 руб., при сильнѣ запущенныхъ—3 высылается вложеннымъ платежемъ только единственными складомъ для Россіи:

СПб. КОНТОРЫ ФОРМАЦЕВТИЧЕСКІИ ПРЕПАРАТОВЪ
 СПС., Литейный, 30—100.
 (Пересылка по почтовому переводу).
 Научная брошюра выскъ, за 7-ми коп. марку.

Съ 29-го августа выходитъ по пятницамъ еженедельный журналъ

ВЕСНА

Органъ независимыхъ писателей и художниковъ.
 Съ постояннымъ отдѣломъ

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА.

Въ политикѣ—внѣ партій. Въ литературѣ—внѣ кружковъ.
 Въ искусствѣ—внѣ направлений.

Цѣна номера 10 к. Подписка съ доставкой на годъ 6 руб.
 Редакторъ принимаетъ еженеднево отъ 3 до 4 часовъ дня.
 Кирочная, 3, кв. 20.
 Редакторъ В. В. Каменскій. Издательница Л. А. Шебуева.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

Какъ предохранить себя отъ венерическихъ болезней.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Волфа и Риккера. Цѣна 40 коп. Можно получать на складѣ: Терюкки, Финлянд. жел. дор., домъ Лейтинина, В. Р. Канъ.

Высылается наложеннымъ платежомъ.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ
ИГРИВЫЕ МОТИВЫ**

Этотъ цѣлый трактатъ о танцахъ и составленъ извѣстными художниками. Такъ какъ высшею шкою хореографіи и ея самымъ совершеннымъ и художественнымъ выраженіемъ является балетъ, то, естественно, что ему отведено тамъ первенствующее мѣсто. Юноши найдутъ для себя въ этомъ трактатѣ поученіе, а старшія тихую усладу. И тѣ, и другіе при этомъ будутъ въ восторгѣ отъ наиболее знаменитыхъ и достопримѣчательныхъ танцующихъ дѣвицъ и дамъ.

Цѣна съ пересылкою ДВА р.
Выписывать изъ главнаго склада
С.П.Б., Невскій, 9.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВОЕ 4-ое ИЗДАНИЕ

**„Руководство къ изученію кройки
и обработки мужского платья“.**

Цѣна книги 2 рубля.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Фонтанка, 101.

НАСТОЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ

ОТЪ МРАКА КЪ СВѢТУ“

Очеркъ русской исторіи отъ Гостомысла (юмористическая поэма гр. А. К. Толстого продолженная до нашихъ дней) въ иллюстраціяхъ художн. Порфирьева и др.

Изданіе Э. М. Корнфельдъ.

Цѣна съ пересылкою 2 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Вольфа, Риккера и др.

Главный складъ С.-Петербургъ, Невскій пр., 9.

Продолжается подписка на 1908 годъ на

Еженедѣльный Литературно-Художественный журналъ сатиры и юмора

САТИРИКОНЪ

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Художники: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гульбрансонъ (Мюнхенъ), М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, Е. Лансере, Дм. Митрохинъ, В. Невскій, А. П. Остроумова-Лебедева, В. Порфирьевъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), О. Шарлемань, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

Писатели: А. Аверченко (Аве), Вл. Азовъ, Александръ Блокъ, И. М. Василевскій (не-Буква), Л. М. Василевскій, Б. Вилли, К. Антиповъ (Зарницынъ), Яковъ Годинъ, Сергѣй Городецкій (Сатиръ), А. Измайловъ, М. Кузминъ, А. Кугель (Номо Novus), В. Лихачевъ, С. Маршакъ, О. Л. Д. Оръ, Потемкинъ, А. Радаковъ, Саша Черный (А. Гликбергъ), Александръ Рославлевъ, Скиталець (Яковлевъ), В. Сладкопѣвцевъ, графъ Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Шебуевъ, Умановъ-Капуновскій, Н. И. Фалѣевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Яблоновскій и др.

Размѣръ журнала отъ 16 страницъ большаго формата in folio. Журналъ печатается въ нѣсколькихъ краскахъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ «САТИРИКОНА» (С.-Петербургъ, Невскій просп., № 9) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: До конца года (съ 1 Іюля)—2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп. Въ провинціи 12 коп.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Невскій пр. 9.

Представитель для г. Одессы, Херсона, Николаева и Кишинева—Е. Е. Свистунова.—Одесса, Екатерининская ул., д. Греческаго училища.
Представитель для г. Москвы—П. С. Арсеньевъ.—Б. Дмитровка, д. № 15.
Представитель для г. Киева—Я. П. Лапичъ.
Представитель для г. Варшавы—Контрагентство Е. А. Морозова и Е. Горскова.—Бонифратерская, 25.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: 40 коп. за строку нонпареля въ 1/4 стр.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

ИДЕАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

(у Л. Н. Толстого).

Рис. А. Юнгера.

— Осмѣлюсь узнатьъ ваше мнѣнiе о новой формѣ, вводимой въ гвардейскихъ частяхъ?

— Мм... Ничего, не затруднитесь.

— Такъ отъ мнѣнiя о новой формѣ въ гвардейскихъ частяхъ вы хотите воздержаться? Тогда будите добры сообщить, что вы думаете о принципѣ висѣнiя въ воздухѣ тѣлѣ тяжелѣ воздуха...

— Мнѣ, право, совѣстно затруднять васъ. Ничего, я самъ.

— Ваше нежеланiе высказаться о причинѣ висѣнiя въ воздухѣ, надѣюсь, не помѣшаетъ вамъ сообщить свое мнѣнiе о трамвайныхъ неустройствахъ, которыя...

— Что? Вы равнодушны къ этому? Ничего, не беспокойтесь. Такъ мы и запишемъ. Благодарю васъ!

Ave.

... Только в дѣтяхъ обрѣтете вы истину! Идите за ними.

(Изъ Л. Толстого).

ПУТЬ КЪ ИСТИНѢ.